

Вооруженные силы России:
власть и политика

**Исследования Американской академии по проблемам
глобальной безопасности**

Редакторы Карл Кейзен, Джон Стейнбрюнер
и Мартин Б. Мейлин

*Стратегические перспективы: ведущие державы, Казахстан
и центральноазиатский узел*

Под редакцией Роберта Легволда

*Мечи и орала: экономика национальной безопасности
Беларуси и Украины*

Под редакцией Роберта Легволда и Селесты А. Уолландер

Вооруженные силы России: власть и политика

Под редакцией Стивена Э. Миллера и Дмитрия Тренина

Книжная серия исследований Американской академии по проблемам
глобальной безопасности издается Американской академией гумани-
тарных и точных наук и выпускается издательством Массачусетского
технологического института. По всем вопросам, связанным с этой се-
рией, просьба обращаться

в Американскую академию гуманитарных и точных наук:

136 Irving Street
Cambridge, MA 02138-1996
Тел.: (617) 576-5000
Факс: (617) 576-5050
Электронная почта: ciss@amacad.org
Сайт в Интернете: www.amacad.org

Вооруженные силы России: власть и политика

Под редакцией Стивена Э. Миллера и Дмитрия Тренина

Американская академия гуманитарных и точных наук
Кембридж, штат Массачусетс

МТИ-пресс
Кембридж, штат Массачусетс
Лондон, Англия

© Американская академия гуманитарных и точных наук, 2005

© "Интердиалект+ ". Перевод с английского и издание, 2005

Все права сохранены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме с помощью каких-либо электронных или механических средств, включая изготовление фотокопий, запись, поиск и хранение информации, без письменного разрешения издателя.

ISBN 5-89520-088-5

Изложенные в данной книге мнения принадлежат авторам статей и не обязательно отражают позицию должностных лиц и научных сотрудников Американской академии гуманитарных и точных наук.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	vii
ВЫРАЖЕНИЕ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ	xi
ВВЕДЕНИЕ	
Военная мощь Москвы: Россия в поисках безопасности в переходную эпоху	
<i>Стивен Э. Миллер</i>	1
ГЛАВА 1	
Траектория российской армии: сокращение, разложение, поражение	
<i>Павел Баев</i>	51
ГЛАВА 2	
Социально-политическое положение российских военных	
<i>Александр Гольц</i>	89
ГЛАВА 3	
Военная реформа: от кризиса до застоя	
<i>Алексей Арбатов</i>	115
ГЛАВА 4	
Россия, региональные конфликты и применение военной силы	
<i>Рой Эллисон</i>	147
ГЛАВА 5	
Оборонная экономика в России и наследие структурной милитаризации	
<i>Виталий Шлыков</i>	191
ГЛАВА 6	
Ядерное оружие в современной российской политике	
<i>Роуз Готтемёллер</i>	221
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	
Золотой орел, красная звезда	
<i>Дмитрий Тренин</i>	263
ОБ АВТОРАХ	283
УКАЗАТЕЛЬ	289

ОБОРОННАЯ ЭКОНОМИКА В РОССИИ И НАСЛЕДИЕ СТРУКТУРНОЙ МИЛИТАРИЗАЦИИ

ВИТАЛИЙ ШЛЫКОВ

Основные причины внезапного распада Советского Союза и многих экономических и военных проблем сегодняшней России можно связать с феноменом, который остался в значительной мере незамеченным: со структурной милитаризацией советской экономики. В настоящей главе автором рассматриваются характеристики этого явления и дается оценка его последствий для российского оборонного сектора и для страны в целом.

ЧТО ТАКОЕ СТРУКТУРНАЯ МИЛИТАРИЗАЦИЯ?

По данным архивов Государственного планового комитета (Госплана), рассекреченных в начале 1990-х годов, второй советский пятилетний план (1933 – 1937 гг.) предусматривал сокращение производства боевых самолетов с 3,515 тыс. до 2 тыс. единиц, а танков – с 4,22 тыс. до 2,8 тыс. В то же время Госплан потребовал от оборонной промышленности резко увеличить ее мобилизационный потенциал: по самолетам – с 13,1 тыс. до 46,3 тыс. единиц, а по танкам – с 40,4 тыс. до 90 тыс.

Информация о мобилизационном потенциале советской оборонной промышленности после Второй мировой войны остается засекреченной, однако примерные оценки сделать можно. В период с 1960-х по 1980-е годы советский Генеральный штаб утверждал, что оборонная промышленность Соединенных Штатов могла производить от 50 до 70 тыс. танков в год (сильно преувеличенная оценка, но этого вопроса мы здесь не касаемся). Еще в 1990 году высшее военное командование СССР считало, что в случае мобилизации США смогут через шесть месяцев довести

производство танков до 50 тыс. единиц в год, а их западноевропейские союзники по НАТО – произвести еще 25 тыс. единиц. Однако, как и в случае с расчетами по США, мобилизационный потенциал стран НАТО, который позволил бы им превзойти Советский Союз по производству других видов вооружений (самолетов, артиллерийских установок, снарядов и т.д.), также был сильно переоценен.

Тем не менее Генеральный штаб использовал эти и другие завышенные данные для ускорения развития советской оборонной промышленности, пытаясь по уровню производства догнать НАТО. Исходя из предположения о том, что мобилизационные потребности Советского Союза в случае начала новой мировой войны были аналогичны американским и что Кремль был решительно настроен достичь военного паритета со своим противником по холодной войне, за основу для примерной оценки расчетов советского Генерального штаба можно взять его оценки мобилизационного потенциала Соединенных Штатов. Это, в свою очередь, позволяет, используя таблицы межотраслевого баланса, приблизительно рассчитать то количество металла, нефти, резины и других материалов, которое требовалось для производства необходимого количества вооружения в указанные Генштабом сроки. Полученные при этом цифры поражают воображение в отношении не только экономики советского периода, но и российской экономики 1990-х годов.

Для того чтобы удовлетворить мобилизационные потребности вооруженных сил, советская промышленность была вынуждена постоянно поддерживать уровень производства металлов, горючего и других сырьевых материалов намного более высокий по сравнению с потребностями экономики в мирное время. Наглядным примером служит алюминиевая промышленность. В настоящее время Россия производит 3,4 млн. тонн алюминия в год. На внутреннее потребление идет около 300 тыс. тонн, весь остальной алюминий экспортируется. В Советском Союзе производство алюминия составляло 4 млн. тонн в год. Но, поскольку алюминий считался стратегическим сырьем, правительство запретило его экспорт. Советская оборонная промышленность потребляла не более четверти выплавляемого в стране алюминия; основная же его масса шла на производство низкокачественных потребительских товаров или просто в металлолом.

Это чрезмерное перепроизводство объяснялось необходимостью поддержания алюминиевой промышленности (не говоря

уж о сталелитейной, титановой и других отраслях) в состоянии постоянной готовности к работе в условиях войны. Иными словами, в случае мобилизации советских вооруженных сил у советской оборонной промышленности должны были быть в распоряжении все ресурсы, необходимые для немедленного увеличения производства самолетов, танков и других вооружений. С учетом столь гигантских объемов запланированного перепроизводства у советской экономики не было стимулов к повышению производительности или снижению уровня потребления связанной с обороной продукции.

Более всего от подобной политики страдал гражданский сектор советской экономики. В течение более чем полувека государство направляло все лучшие технологии, материальные и людские ресурсы в военные отрасли, в то время как гражданское производство и инфраструктура десятилетиями испытывали недостаток внимания и становились все менее эффективными. Чем больше ресурсов направлялось на военное производство, тем сильнее увеличивалась отсталость гражданского сектора в Советском Союзе. Ввиду крайней неэффективности экономики даже простое поддержание гражданского сектора требовало огромного количества основных ресурсов: сырья, энергии, промышленных мощностей. В сельскохозяйственной отрасли, например, Советский Союз должен был производить в 6–7 раз больше тракторов и в несколько раз больше удобрений, чем США, чтобы добиться аналогичных показателей выхода продукции.

По сравнению с гражданским, советский оборонный сектор был значительно менее энерго-, материало- и трудоемким. Так, в 1970-е – 1980-е годы, когда объем выпускаемой ею продукции был максимальным, оборонная промышленность потребляла только от 6 до 9,3 процента стального проката, от 23,6 до 25 процентов алюминиевого профиля, 1,7 процента стальных труб и 3 процента лесоматериалов, использовавшихся в советском народном хозяйстве. В оборонных отраслях было занято 10,45 млн. человек, или 8,4 процента от численности рабочей силы, составлявшей 135 млн.

Экономика, высококачественные ресурсы которой сконцентрированы в относительно небольшом оборонном секторе, тогда как прочие отрасли пребывают почти в полном небрежении, может функционировать только в том случае, если игнорируются законы рынка. Она не реагирует на такие меры, как сокращение расходов на оборону, и не допускает переброски ресурсов

из военного производства в гражданский сектор экономики. Другими словами, она представляет собой структурно милитаризованную экономику. В такой экономике даже при полном прекращении всяких закупок продукции военного назначения не произойдет соответствующего повышения эффективности гражданского сектора, не проявит себя "невидимая рука рынка" и не изменится к лучшему положение в экономике в целом. Если структурно милитаризованную экономику внезапно перевести на рыночную основу, то вся система связей между различными ее отраслями будет постепенно разрушаться и в конце концов распадется. Именно это и произошло в России в 1990-х годах.

К моменту своего распада Советский Союз обладал огромными избыточными мобилизационными мощностями как в энергетике, так и в сырьевых отраслях. Эти накопленные в течение более чем 50-летней подготовки к мировой войне излишки были важным источником экспортных поступлений. В 1990-е годы они помогали также удовлетворять внутренний спрос. Действительно, в течение этого периода российское руководство сбывало эти излишки внутри страны по субсидируемым ценам в надежде, что это поможет предотвратить социальный взрыв. Даже сегодня природный газ продается потребителям внутри страны по ценам в семь раз ниже экспортных.

РОССИЯ НА ПЕРЕПУТЬЕ

Россия достигла поворотной точки. Ее резервы в значительной мере иссякли, а отсутствие инвестиций все тяжелее сказывается на производительности экономики. Крах советской/российской структурно милитаризованной экономики обусловил необходимость перестройки российской оборонной промышленности. Единственным исключением здесь могут быть некоторые узкоспециализированные отрасли (например, предприятия по производству ядерного оружия и ракет).

Российская оборонная отрасль насчитывает на настоящий момент 1,7 тыс. официально признанных предприятий, где занято около 2 миллионов человек; эти цифры не изменились с 1992 года и не включают данные по ядерной промышленности, которая по традиции учитывается отдельно. Эти данные говорят о том, что Россия еще не перешла к рыночной экономике. Кроме того, с начала 1990-х годов министерство обороны не оплачива-

ло свои закупки вооружения у многих предприятий оборонной промышленности, если не считать случайных, в значительной мере символических выплат. В то же время нет никакой ясности в отношении того, что представляет собой оборонное предприятие. Официально предприятие считается относящимся к оборонной промышленности, если по меньшей мере 5 процентов производимой им продукции имеет оборонное назначение. На самом же деле правительство признает, что 90 процентов претендующих на это звание предприятий не имеют контрактов на производство и поставку военной продукции. Заявляя о своей принадлежности к оборонному комплексу, многие такие предприятия надеются избежать необходимости платить, по крайней мере по некоторым своим счетам (например, оплачивать коммунальные услуги и платить налоги). Учитывая бесчисленные трудности, с которыми сталкивается российская оборонная промышленность, большинство средних и мелких оборонных предприятий, особенно поставщики запчастей и субподрядчики, переориентировались на значительно более привлекательный гражданский сектор.

В отличие от своего советского предшественника, российское правительство не может больше произвольно устанавливать и поддерживать искусственно заниженные цены на военную технику. Оно не может также заставить частных поставщиков запчастей и субподрядчиков выполнять военные заказы вопреки их желанию. Поэтому, если правительство хочет увеличить выпуск оборонной продукции, придерживаясь при этом экономической политики прошедшего десятилетия, ему придется значительно увеличить бюджетные ассигнования на военные закупки.

Россия, однако, по-прежнему располагает одной из самых крупных в мире систем оборонного НИОКР как по количеству входящих в нее учреждений, так и по числу занятого в ней персонала. Российский оборонный НИОКР унаследовал около 80 процентов из тех 450 научных и 250 конструкторских организаций, которые некогда входили в советский военно-промышленный комплекс (ВПК). Сегодня они являются составной частью того, что стало именоваться российским оборонно-промышленным комплексом (ОПК).

Крупномасштабное производство современных вооружений в советскую эпоху было возможно благодаря уникальной нерыночной системе, в рамках которой оборонный сектор в первоочередном порядке обеспечивался любого рода ресурсами: ква-

лифицированной рабочей силой, лучшими учеными и управленцами, новейшими технологиями и гарантированными поставками сырья и материалов по существенно заниженным ценам. Отмена после 1991 года этой системы приоритетного снабжения нанесла, по сути, смертельный удар по оборонной промышленности. Однако не все отрасли в этой сфере ощутили на себе эти удары одновременно или в одинаковой степени. Так, например, изменения в ядерной и ракетной отраслях происходили более медленными темпами, чем в электронной промышленности или судостроении.

Данные о состоянии российского оборонно-промышленного комплекса, обнародованные президентом Владимиром Путиным в марте 2000 года, отражают крайне тяжелое положение, сложившееся в отрасли. Так, например, с 1996 года средний возраст работающих в оборонной промышленности увеличился с 47 до 58 лет (пенсионный возраст для мужчин в России составляет 60 лет). Средний возраст станков — 25–30 лет (по правилам, он не должен превышать 10–15 лет). Безвозвратно утеряно примерно 300 технологий производства вооружений, а советская система контроля за качеством продукции в настоящее время бездействует.

С учетом столь масштабных изменений любая попытка внедрить в производства новые разработки, созданные в секторе оборонного НИОКР, наталкивается на два серьезных препятствия: (1) необходимость приобретения новейших зарубежных технологий, а также, в больших количествах, оборудования зарубежного производства и (2) необходимость привлечения на работу и профессиональной подготовки практически совершенно новых кадров для отрасли, которая для большинства россиян, особенно для молодых рабочих и ученых, утратила свою привлекательность.

Кроме того, при резком сокращении за последнее десятилетие объема государственного оборонного заказа и при отсутствии сколько-нибудь серьезной государственной поддержки оборонная отрасль стала неспособна реагировать на требования возобновить или ускорить выпуск существующих систем вооружений, не говоря уж о разработке новых. Многие предприятия отрасли уже не считают военное производство основным направлением своей деятельности. Как указывалось выше, некоторые из этих предприятий перешли на выпуск продукции гражданского назначения. К их числу относится ряд предприятий,

производящих оборудование для нефтяной и газовой промышленности. Другие существуют благодаря тому, что сдают свои производственные помещения коммерческим организациям для самых разных целей (например, под офисы, склады и даже супермаркеты).

Российский военно- или оборонно-промышленный комплекс больше не представляет собой отрасль, обособленную от остальной экономики и находящуюся под централизованным государственным управлением и контролем, как это было в советскую эпоху. Все, что от него осталось, — это разрозненные предприятия, которые входят в оборонно-промышленный комплекс (преемник ВПК) и рассматривают свою принадлежность к нему как защиту от угрозы приватизации, банкротства или насильственного поглощения более успешными компаниями.

Принадлежность к ОПК обеспечивает ряд преимуществ, которые в определенной степени помогли российским оборонным предприятиям, а иногда и их руководству компенсировать отсутствие государственных оборонных заказов. Во-первых, это позволило директорам оборонных предприятий вести дела так, как если бы они были их настоящими владельцами. Так, например, недавно службы безопасности в Москве обнаружили, что на строго охраняемом стратегически важном предприятии "Гранит" разместила свою штаб-квартиру крупная узбекская фундаменталистская мусульманская организация. Более ста членов этой организации были арестованы после того, когда власти выяснили, что группа не только открыла в помещениях завода кафе и пекарню, но и выплачивает директору "Гранита" арендную плату.

Во-вторых, в 1990-е годы директора оборонных предприятий могли брать в коммерческих банках кредиты под государственные гарантии. По данным государственных ревизионных служб, такая практика привела к появлению системы "отката", когда половина денег, выделявшихся государством на военные закупки, шла банкам, которые выдавали эти кредиты. Неудивительно, что многие директора заводов на этом обогатились.

Третий пример касается призыва на военную службу и помогает понять, каким образом ОПК может подтвердить свое заявление о наличии 2 миллионов сотрудников, несмотря на недостаток военных заказов. Уклонение от призыва является широко распространенной практикой в России. Чтобы избежать службы в армии, чаще всего прибегают к следующему способу: платят

призывным органам и врачам 5–10 тыс. долл. США за документ, удостоверяющий, что юноша не подлежит призыву по состоянию здоровья. Однако есть и другой способ. Власти позволяют государственным предприятиям давать своим работникам отсрочку от военной службы. По сообщениям средств массовой информации, лица, уклоняющиеся от службы в армии, платят руководству некоторых таких предприятий за зачисление в штат, хотя бы и без зарплаты. Несмотря на связанные с этим проблемы, недавно назначенный заместитель премьер-министра России Борис Алешин обещал распространить такое право и на частные предприятия оборонного сектора.

В-четвертых, для региональных и местных властей также выгодно присутствие оборонных предприятий на их территориях. В советскую эпоху на базе крупных, стратегически важных научно-исследовательских центров и предприятий оборонной промышленности было создано около ста так называемых "закрытых" городов. Большинство из них по-прежнему пользуются преимуществами своего привилегированного статуса, в том числе налоговыми льготами. Неудивительно, что в этом "налоговом оазисе" находили пристанище тысячи коммерческих предприятий. Это в первую очередь относится к космическому центру на Байконуре (Казахстан). По оценкам государственного контрольно-ревизионного управления, потери государства вследствие непоступления налогов из этих городов достигают 60 процентов оборонных расходов России.

По данным обследования, проведенного в 2002 году неправительственной организацией "Лига содействия оборонным предприятиям", большинство руководителей оборонных предприятий считали, что центральные власти бросили их на произвол судьбы. В ходе обследования респондентам задавался вопрос о том, какие правительственные учреждения оказали благоприятное либо неблагоприятное влияние на их работу (см. таблицу 5.1). Как явствует из таблицы, респонденты считают, что ни президент, ни Государственная дума не проявляют большого интереса к проблемам ОПК; более того, они по большей части лишь создают дополнительные трудности. Наименьшим влиянием (за это высказались 78 процентов опрошенных) пользовалось Министерство промышленности, науки и технологий, отвечающее за реструктуризацию ОПК. Что касается так называемых российских федеральных оборонных агентств (авиационно-космического, по обычным вооружениям, по системам контроля, по

судостроению и по боеприпасам), то 78 процентов респондентов заявили, что ни одно из них не помогало им в налаживании работы их предприятий. Интересно, что 69 процентов опрошенных выразили убеждение в том, что их предприятия в скором времени будут ликвидированы¹.

ТАБЛИЦА 5.1
Отношение руководителей оборонных предприятий к центральным органам власти России

	Оказывали положительное влияние	Создавали трудности	Не оказывали влияния
Президент	20%	8%	72%
Правительство	15	50	35
Государственная дума	10	22	68
Министерство промышленности, науки и технологий	17	5	78
Министерство обороны	24	32	44
Региональные власти	32	26	42

Не так давно Игорь Ашурбейли – генеральный директор НПО "Алмаз", разработчика и производителя системы противовоздушной обороны С-300П, – выразил свое мнение по поводу некоторых из этих серьезных проблем: "На самом деле ситуацию в оборонной промышленности держат под контролем только директора соответствующих предприятий. Сегодня директора предприятий – это первый и последний уровень управления в российском оборонно-промышленном комплексе. В зависимости от личных качеств того или иного человека – его квалификации, честности, порядочности, принадлежности к тем или иным финансово-промышленным группировкам – и определяется эффективность управления"².

Многие предприниматели, работающие в оборонной промышленности, понимают, что в условиях рынка любая попытка

¹ В. Витебский, О. Коленникова, Л. Косалс, М. Кузнецов, Р. Рывкина, Ю. Симагин и Ю. Увицкая. Оборонные предприятия России: 1999–2001 гг. Москва, 2002, сс. 101, 103, 104.

² Цит. по: Михаил Хогаренок. Оборонке требуется инвентаризация. – Независимое военное обозрение, 19 июля 2002 г.

подвигнуть ОПК к существенному увеличению производства современных вооружений для российской армии потребует огромных финансовых вливаний. Однако в обозримом будущем такие вливания останутся за пределами возможностей российского правительства.

В ноябре 2002 года автор данной статьи участвовал в качестве председателя в работе круглого стола на тему "Реформа армии и будущее ОПК", организованного журналом "Отечественные записки" (стенограмма дискуссии в рамках этого круглого стола была опубликована в журнале). В числе участников были руководители крупнейших частных оборонных компаний России Борис Кузык (холдинг "Новые программы и концепции") и Сергей Недорослев (группа компаний "Каскол"). Всем участникам было предложено прокомментировать призыв Владимира Путина превратить производство вооружений в преуспевающий сектор российской экономики. Единодушную поддержку встретило следующее замечание С. Недорослева: "Это практически невозможно. Производство оборонной техники нигде не ведется на коммерческой основе. На этом рынке очень мало успешных компаний. Все эти немногочисленные успешные компании объединяет одно — они являются частью национального оборонно-промышленного комплекса. Настоящего ОПК у нас еще нет. То, что мы имеем, — это группа предприятий, выпускающих оборонную продукцию для различных иностранных армий: Индии, Китая и т. д. Чтобы превратить оборонное производство в успешную сферу предпринимательской деятельности, нам нужно иметь хотя бы половину от военного бюджета США и ВВП в 4 триллиона долларов США. А в стране, у которой ВВП составляет всего 300 миллиардов долларов, добиться прибыльности оборонной промышленности невозможно"³.

Эти проблемы усугубляются почти полным отсутствием идей по поводу того, каким образом следует реформировать российский оборонный комплекс. И это неудивительно, если учесть, что политическая элита, пришедшая к власти в 1991 году, предпочитала не иметь ничего общего ни с вооруженными силами, ни с оборонной промышленностью. Казалось, что связи с ОПК были своего рода социальным клеймом. Так, многие либераль-

---

³ Цит. по: Реформа армии и будущее ВПК. — *Отечественные записки*, № 2 (2003), сс. 476 — 477.

ные политики из окружения Б. Ельцина с гордостью заявляли, что ничего не знают о проблемах, связанных с обороной.

В этот период российское политическое руководство распустило Госплан и Военно-промышленную комиссию (в том числе и подотчетные ей министерства оборонной промышленности), не оценив предварительно, как эти органы работали в советскую эпоху. Не было сделано никаких попыток разобраться с их богатыми архивами, и, насколько известно автору, никто не проявлял интереса к оборонным системам западных стран. Что касается армии, то президент Ельцин и другие политики по большей части, казалось, довольствовались тем, что позволяли ей кое-как сводить концы с концами. Не желая увязать в проблемах вооруженных сил, они отказались от идеи создания гражданского министерства обороны, которое помогало бы военным в постсоветскую эпоху адаптироваться к принципиально новой экономической и политической ситуации. От бывших советских генералов и офицеров, которым не хватало широкого общего образования, которые не владели иностранными языками и никогда не имели доступа к современной военной литературе и теории, внезапно потребовали проведения реформ по западному образцу.

Кроме того, на момент распада Советского Союза — и здесь автор опирается на собственный опыт — не существовало независимого сообщества экспертов по вопросам обороны, к которым могли бы обратиться лидеры страны. Число таких экспертов за пределами министерства обороны и ОПК начало сокращаться после снятия с должности в 1964 году Никиты Хрущева. В течение 11 лет своего правления Хрущев решительно добивался превосходства Советского Союза над Соединенными Штатами во всех возможных областях — в экономической, научной, военной. В то же время, испытывая глубокое недоверие к военным, он пошел на создание крупных, хорошо финансируемых "мозговых центров", имеющих доступ к властным структурам. Первым примером такого рода организаций стали институты в рамках Академии наук СССР. Однако преемники Хрущева считали, что будет полезнее, если сконцентрировать всю исследовательскую работу по проблемам обороны зарубежных стран в Генеральном штабе (а именно в Главном разведывательном управлении) и в КГБ. Принятое Политбюро в 1972 году решение привело к постепенной ликвидации относительно независимых гражданских "мозговых центров" в рамках Академии наук, а в

середине 1980-х годов Генеральный штаб и КГБ полностью монополизировали все оборонные исследования. Несколько гражданских экспертов, занимавшихся преимущественно проблемами разоружения, были приглашены на работу в ЦК КПСС с целью проверки зачастую сомнительной информации, поступавшей из министерства обороны. Однако им редко когда удавалось оспорить данные Генерального штаба относительно состава, структуры и численности ВС и военной экономики стран Запада.

В постсоветскую эпоху положение только ухудшилось. Большая часть из оставшихся в системе Академии наук специалистов по обороне занялись предпринимательством или политикой. Между тем созданные в последние годы "исследовательские группы" со звучными именами (институты и центры стратегических исследований или исследований по проблемам национальной безопасности, оборонной политики и т. п.) в действительности представляют собой команды в составе одного-двух человек, чьи заявления о ведении важной исследовательской работы выглядят в высшей степени сомнительными. В то же время министерство обороны по-прежнему негативно относится к тому, что оно считает вмешательством со стороны гражданских. Вместо этого оно оказывает поддержку деятельности Академии военных наук, во главе которой стоит бывший заместитель начальника Генерального штаба, а основной костяк составляют отставные военные.

В этой ситуации крайне маловероятной представляется возможность разработки реального плана реформирования российской армии и оборонной промышленности. Повестка дня президентского Совета безопасности, ответственного за разработку такого плана, крайне перегружена другими вопросами, начиная с ядерной безопасности и заканчивая демографической ситуацией и войной в Чечне. Однако это не означает, что положение безнадежно. Но чтобы действительно реформировать оборонную промышленность, политические силы России должны взять на себя роль двигателя реформ — роль, от которой они вплоть до последнего времени отказывались. Огромные ресурсы, накопленные в советскую эпоху, внушали руководителям государства уверенность в том, что борющаяся за существование оборонная отрасль каким-то образом сможет восстановиться самостоятельно, без государственной поддержки. Сегодня, когда эти ресурсы в значительной мере иссякли, необходимость проведения реформы наконец-то была признана. В следующем разделе речь пой-

дет о предпринимаемых в последнее время правительством, в том числе и президентом Путиным, мерах по решению усугубляющихся проблем оборонного комплекса.

РЕФОРМАТОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

В октябре 2001 года премьер-министр Михаил Касьянов подписал постановление правительства РФ № 713 "О реформировании и развитии оборонно-промышленного комплекса (2002–2006 гг.)". В январе 2002 года президент Путин утвердил государственную программу вооружений, предусматривающую после 2010 года передачу "функций координации, управления и контроля", которые сегодня осуществляют ответственные за ОПК федеральные агентства, в ведение так называемых системообразующих интегрированных структур. В соответствии с планом правительства количество оборонных предприятий сократится с 1,7 тыс. до менее чем 600. Последние же, в свою очередь, будут объединены в системообразующие интегрированные структуры, которые средства массовой информации называют просто "холдингами". Этим холдингам будут переданы производственное оборудование и интеллектуальная собственность остальных тысячи с лишним предприятий, которые будут выведены за рамки ОПК.

Основным механизмом реформирования ОПК является увеличение в нем доли государственной собственности. В настоящее время 43 процента предприятий ОПК принадлежат государству, 29 процентов являются акционерными обществами с той или иной долей государственного участия, а 28 процентов находятся в частной собственности. К 2006 году правительство рассчитывает получить контрольный пакет акций во всех головных компаниях системообразующих интегрированных структур. Для этого правительство придумало простой ход: принадлежащая государству интеллектуальная собственность компании объявляется равной по стоимости 100 процентам активов головной компании. Головными компаниями, управляющими холдингами, будут становиться, как правило, конструкторские бюро. В советскую эпоху конструкторские бюро обычно были организационно отделены от производственных предприятий. Новой программой предусмотрено положить конец такому разделению, объединив конструкторские бюро и производственные предпри-

ятия в рамках новых системообразующих интегрированных структур. Кроме того, принадлежащие государству пакеты акций остальных предприятий, входящих в холдинги ОПК, будут переданы в доверительное управление головным компаниям.

Вернуть себе контроль над ОПК правительство рассчитывает в основном с помощью административных мер. В интервью деловому еженедельнику "Эксперт" Илья Клебанов, бывший в то время министром промышленности, науки и технологий, а ранее занимавший пост заместителя премьер-министра, изложил позиции правительства следующим образом:

"Эксперт": Обсуждая реформу ОПК, вы любите ссылаться на американский опыт. В Соединенных Штатах практически все компании в оборонной промышленности находятся в частной собственности. Если взять авиацию, то там две интегрированные корпорации — "Боинг" и "Локхид Мартин". Ваши оппоненты возражают, что процесс интеграции американских корпорации занял более двадцати лет, а у нас вы предлагаете авиаторам интегрироваться за восемь лет. Что вы можете ответить своим оппонентам?

Клебанов: "Если мы это не сделаем за тот срок, который прописан в программе, утвержденной, кстати, правительством, Совбезом и Госсоветом (до 2006 года. — "Эксперт"), то у нас уже нечего будет интегрировать. У нас нет двадцати лет. На Западе интеграция проходила во многом под действием требований рынка. Мы же, к сожалению, помимо требований рынка вынуждены использовать административные методы, потому что государство является сегодня основным собственником во многих головных интегрированных структурах. В то же время государство, помимо прочего, должно отвечать и за сам процесс реформирования".

"Эксперт": Но это уже не американская модель.

Клебанов: "Я считаю, что пока к американскому варианту мы не готовы. Хотя, не буду скрывать, он мне, в общем, нравится. У нас нет одного очень важного компонента, который есть в США: там идея частной собственности у людей в крови. В России дело обстоит по-другому. В 1990-е годы мы приватизировали большую часть оборонно-промышленного комплекса в условиях, когда понятие о собственности все еще оставалось в целом чуждым. В этом все дело. К сожалению, сейчас мы очень часто сталкиваемся с тем, что задача номер один такого собственника — обслужить экспортный контракт, а не вкладывать деньги в развитие технологий. Это стало повальным бедствием".

"*Эксперт*": То есть на первом этапе реформы ОПК главным собственником оборонных предприятий должно быть государство?

Клебанов: "Да, мы так решили. Но поймите правильно, государство на самом деле собственник-то тоже плохой, и мы это знаем. Но сегодня, когда в стране не хватает эффективных собственников, другого варианта нет. Со временем, когда государство создаст более привлекательные условия для развития бизнеса в ОПК, больше предпринимателей захотят участвовать в оборонном секторе. Тогда и появится возможность приватизировать многие оборонные предприятия"⁴.

Наиболее действенный для государства способ восстановить свой контроль над отраслью и повысить ее производительность — это получить во владение интеллектуальную собственность оборонных предприятий. Как и в советскую эпоху, оборонные конструкторские бюро, контролирующие эту интеллектуальную собственность, естественным образом противостоят производственным предприятиям. В другом своем интервью Клебанов столь же прямо говорил о намерениях правительства:

"Я хочу, чтобы было четкое понимание следующего — может быть, самого главного. Сегодня так получилось, что все наши предприятия при непотворении государства фактически незаконно пользуются государственной интеллектуальной собственностью. Ведь интеллектуальная собственность на Су-27, Су-30 и Су-24 принадлежит не ИАПО (Иркутское авиационно-производственное объединение), не КнААПО (Комсомольское-на-Амуре АПО) и не НАПО (Новосибирское АПО). Она принадлежит государству и создана была в государственном ОКБ им. Сухого. Когда государство будет решать, кому отдать право пользования этой собственностью, — а это будет происходить в самое ближайшее время, — то оно, конечно же, решит, что передать интеллектуальную собственность надо ОКБ им. Сухого...

Мы же должны создать условия, чтобы велись работы над новой техникой. Делать это могут только КБ. Поэтому они будут наделяться правом распоряжаться интеллектуальной собственностью на конструкторские разработки военной техники. И уже, в свою очередь, наделять серийные заводы правом производить вооружения — фактически как бы по лицензии"⁵.

⁴ Цит. по: Критическая технология. — *Эксперт*, 14 января 2002 г.

⁵ Цит. по: *Илья Клебанов*: "Мы договоримся о правилах игры, я вам обещаю". — *Вегомости*, 2 августа 2001 г.

Правительство рассматривает возвращение себе права на эту интеллектуальную собственность главным образом как способ национализации оборонного сектора. Клебанов продолжает:

"И в первую очередь государство должно вспомнить о своей главной — интеллектуальной — собственности, которая, к сожалению, никак не была учтена до сих пор и не учитывалась при приватизации. Если бы государство раньше обращало внимание на интеллектуальную собственность, то, наверное, доля частного капитала в оборонной промышленности сегодня была бы гораздо меньше. Мы сейчас проводим оценку интеллектуальной собственности на примере "Пермских моторов" [крупнейший в России производитель авиационных двигателей. — *Прим. авт.*]. Минимущество провело гигантскую работу по оценке государственной интеллектуальной собственности на двигатель ПС-90А. И мы поняли, что на самом деле мы очень богатые, оказывается, что мы главные акционеры "Пермских моторов". По крайней мере, громадная часть собственности "Пермских моторов" — интеллектуальная собственность — государственная"⁶.

Для Клебанова восстановление прав на эти и другие связанные с обороной виды интеллектуальной собственности не является конечной целью государства. Он считает, что таким образом государство на деле будет осуществлять контроль за финансовыми потоками оборонных предприятий — и эту цель он не пытается скрывать:

"Есть еще одна сторона вопроса, о которой я пока не говорил. Сегодня мы реально испытываем недостаток ресурсов для того, чтобы создавать технику следующего поколения: новые танки, самолеты и т. д. В программе вооружений записано, что к концу этого десятилетия мы должны создать и начать ставить на вооружение технику, которая заменит Су-27, МиГ-29 и т. д. Это требует больших вложений. Средств, которые заложены в программе вооружений, недостаточно. Нужно использовать все другие возможности — прежде всего, возможности экспортные [доходы от увеличения экспорта вооружений. — *Прим. авт.*]... Держатели экспортных контрактов вместе с губернаторами, на территории регионов которых находятся серийные заводы, просто не хотят отдавать часть этих денег от продажи ими вооружений за рубеж на разработку новых видов вооружений"⁷.

---

⁶ Там же.

⁷ Там же.

Учитывая нежелание производственных предприятий делиться своими прибылями с государством, правительство приняло решение преобразовать эти предприятия в новые холдинги (то есть системообразующие интегрированные структуры). Реализация государственной программы будет проходить в два этапа. На первом из них (2002–2004 гг.) проводится отбор головных компаний, которые будут заниматься разработкой новых вооружений и техники и созданием новых интегрированных структур (холдингов), соответствующих нынешним отраслям оборонной промышленности. Планируется создать 74 таких холдинга, в том числе 19 в авиационной промышленности, 10 – в ракетостроении и космической отрасли, 6 – в отрасли боеприпасов и спецхимии, 9 – в производстве обычных вооружений, 17 – в электронной промышленности и 13 – в судостроении.

На втором этапе (2005–2006 гг.) программой предусматривается создание многоотраслевых исследовательских и производственных комплексов нового типа, которые будут объединять в своих рамках предприятия различных отраслей, производить продукцию как военного, так и гражданского назначения и смогут успешно конкурировать на мировом рынке. Состав каждой структуры как на первом, так и на втором этапе утверждается указом президента.

За программу в целом отвечает министерство промышленности, науки и технологий. Министерство атомной энергетики, Авиационно-космическое агентство, Агентство по обычным вооружениям, Агентство по системам управления, Агентство по судостроению и Агентство по боеприпасам отвечают за реализацию целей программы в рамках своих отраслей.

Первой системообразующей интегрированной структурой, созданной в соответствии с программой, стал авиационный холдинг "Сухой". Президент Путин подписал указ о создании этой новой компании в ноябре 2001 года. К маю 2003 года аналогичными указами были созданы еще три холдинга.

В апреле 2003 года президент Путин назначил Бориса Алешина заместителем премьер-министра, ответственным за политику в области оборонной промышленности и экспорта вооружений. В результате Клебанов попал в подчинение к Алешину – любопытный поворот, если учесть, что несколько лет назад Алешин (тогда заместитель министра промышленности, науки и технологий) ушел со своего поста по причине несогласия с политикой Клебанова, который возглавил министерство. Среди экс-

пертов преобладала та точка зрения, что Алешин, который считается последовательным сторонником как широкомасштабной приватизации оборонной промышленности, так и налаживания тесного сотрудничества с оборонными отраслями европейских стран, будет стремиться ликвидировать оборонные агентства. В то же время он по-прежнему считает крайне необходимым ускорить процесс создания холдингов.

Большинство руководителей оборонных предприятий резко критически восприняли опубликованную программу реструктуризации ОПК. Так, например, Игорь Ашурбейли – генеральный директор НПО "Алмаз", разработчика и производителя системы противовоздушной обороны С-300П, – заявил: "Программа реформирования оборонно-промышленного комплекса носит во многом поверхностный ... и умозрительный характер, далекий от системного анализа реальной действительности и перспектив военного строительства. Остается странное ощущение бесформенной и бессистемной массы оборонных предприятий, произвольно наструганных в так называемые вертикально интегрированные структуры"⁸. Генеральный директор частной оборонной холдинговой компании "Новые программы и концепции", бывший советник Ельцина по вопросам торговли оружием Борис Кузык писал: "Каким бы ни был соблазн сегодня решить проблемы вооруженных сил за счет ОПК, завтра подобный шаг обернется кризисом и для армии, и для промышленности"⁹.

Идея создания новых оборонно-промышленных холдингов сверху с использованием административных методов не нова, и трудности здесь хорошо известны. В 1997 году правительство приняло аналогичный документ – Федеральную программу реструктуризации и конверсии оборонной промышленности на 1998–2000 годы, которая предусматривала создание "интегрированных оборонно-промышленных структур". Ни одна такая структура так и не была образована.

Одной из неудач правительства стала и попытка создания холдинга "Сухой". 26 августа 1996 года президент Ельцин подписал указ, открывший дорогу объединению опытно-конструктор-

---

⁸ Цит. по: *Вадим Соловьев*. Мифы и легенды оборонки. – *Независимое военное обозрение*, 29 марта 2002 г.

⁹ *Борис Кузык*. Оборонка может быть высокоприбыльной. – *Независимое военное обозрение*, 31 мая 2002 г.

ского бюро им. Сухого, КнААПО, ИАПО, НАПО и Таганрогского авиационного научно-технического комплекса (ТАНТК) в авиационную компанию "Сухой". С предложением об объединении выступил заместитель премьер-министра, один из знаменитых российских "олигархов" Владимир Потанин. Руководителем новой компании был назначен Алексей Федоров — директор ИАПО, которое поддерживало дружественные связи с потанинским "ОНЭКСИМ Банком". Однако против этого плана решительно выступили генеральный директор ОКБ им. Сухого Михаил Симонov, соперничавший с "ОНЭКСИМ Банком" "Инкомбанк" и губернатор Хабаровского края. В конечном счете Федоров не смог приватизировать КнААПО и НАПО, и образованная в конце концов компания получила лишь принадлежавшие государству пакеты акций ОКБ им. Сухого (51 процент), ИАПО (14,7 процента) и ТАНТК (38 процентов). В январе 1998 года правительство освободило Федорова от должности генерального директора концерна "Сухой"; он вернулся на должность директора ИАПО. Главой холдинга "Сухой" был избран главный конструктор самолета С-37 "Беркут" Михаил Погосян.

В ноябре 2001 года указом Путина КнААПО и НАПО были преобразованы в акционерные общества, все 100 процентов акций которых находились в собственности государства. 74,5 процента их акций передавались холдингу "Сухой", которому к тому времени уже принадлежало 14,7 процента акций ИАПО и 38 процентов акций ТАНТК. Остальные 25,5 процента акций КнААПО и НАПО передавались Российскому фонду федерального имущества. Однако на деле холдинг "Сухой" представляет собой небольшую управляющую компанию, чей контроль распространяется только на конструкторское бюро, 51 процент акций которого принадлежит государству. Контрольный пакет акций НАПО находится в руках руководителя предприятия Федорова; государство владеет только 14,7 процента акций компании. Предприятие способно самостоятельно принимать решения в области маркетинга и конструкторских разработок благодаря финансированию за счет прибыли от выгодной продажи Индии реактивных истребителей. Так же обстоят дела и в отношении ТАНТК: государству принадлежат только 38 процентов его акций, однако оно надеется получить большую прибыль от продажи разработанного компанией самолета-амфибии "Бериев-200".

ЗАБЫТЫЙ АРХИПЕЛАГ

Представление о том, что в России существует оборонно-промышленный комплекс — это в значительной мере миф. Как уже говорилось выше, несколько сотен оборонных заводов, которые обычно именуется ОПК, по сути, представляют собой группу мало чем связанных друг с другом предприятий, пытающихся выжить поодиночке, при минимальном контроле или руководстве со стороны государства. Ашурбейли так живописует ситуацию:

"Сегодня оборонно-промышленным комплексом государства занимаются множество министерств, ведомств и организаций — Минпромнауки, Минимущества, пять федеральных агентств, более того, сейчас начинают активно создаваться многочисленные холдинги и концерны. Словом, как будто недостатка в управляющих структурах нет. Они занимают огромное количество прекрасных зданий в центре Москвы, но, к сожалению, во всех этих зданиях нет одной маленькой комнатки, где находились бы элементарные для ОПК России вещи: лежало бы 1700 папок с данными по 1700 оборонным предприятиям страны.

Почему я так говорю? Потому что сегодня государство толком не знает, что делается в оборонке. Оно не имеет копий нотариально заверенных официальных документов своих предприятий, не имеет постоянно обновляющегося перечня совладельцев этих предприятий, не знает, кто, собственно говоря, их акционеры. Зачастую государство не знает таких простых вещей, как количество и степень износа станочного парка, оборудования и основных фондов, состав и средний возраст работников предприятий, сколько осталось на сегодня разработчиков вооружения и военной техники, сколько на предприятиях инженерно-технических работников и какова их квалификация, сколько сегодня в области обороны патентов, авторских свидетельств, ноу-хау.

Государство сегодня не владеет информацией, сколько квадратных метров недвижимости у оборонных предприятий и сколько гектаров земли; принадлежит ли эта земля предприятиям или какая ее часть сдается и по каким ценам. ... Все эти данные по большей части отсутствуют. Более того, не разобравшись с этим хозяйством, собственность начинает передаваться в новые интегрированные структуры. Причем передается она сегодня

ня бесплатно, в надежде, что в дальнейшем с этим хозяйством кто-нибудь разберется. Может, и разберется, но в государственных ли интересах? ... В результате на выходе с созданием интегрированных структур в оборонке может получиться еще хуже, чем приватизация по Чубайсу"¹⁰.

Ашурбейли знал, о чем говорил, когда сравнивал программу конверсии ОПК с приватизацией российской промышленности во второй половине 1990-х годов под эгидой Анатолия Чубайса, в ту пору заместителя премьер-министра. Большинство российских граждан и экспертов сходятся в том, что приватизация по Чубайсу привела к появлению так называемых олигархов, массовой коррупции в государстве и беспрецедентной криминализации экономики.

6 июня 2003 года Игорь Климов, назначенный в феврале того же года исполняющим обязанности генерального директора холдинга "Алмаз-Антей", был застрелен в Москве рядом с домом, где жил. Ему было поручено провести слияние примерно 50 компаний в гигантский концерн, который стал бы буквально монополистом в производстве систем противовоздушной обороны в России. После своего назначения Климов обещал к концу года завершить процесс объединения, разработать маркетинговую стратегию холдинга, которая позволила бы в течение пяти следующих лет выйти на уровень продаж в 2 млрд. долл. США, и получить лицензию на экспорт вооружений, благодаря чему "Алмаз-Антей" мог бы продавать свою продукцию минуя государственного экспортера — ФГУП "Рособоронэкспорт".

Указ президента о создании холдинга "Алмаз-Антей" был подписан 23 апреля 2002 года. Этому предшествовала ожесточенная борьба между участниками холдинга, в первую очередь между двумя крупнейшими компаниями — "Алмаз" и "Антей", которые остро соперничали между собой с самого момента их основания в начале 1950-х годов. "Антей" является разработчиком и производителем системы противовоздушной обороны С-300В, а "Алмаз" (под руководством Ашурбейли) создал, как уже говорилось, пользующуюся большим спросом систему ПВО С-300П. Несмотря на сходные наименования, системы С-300В и С-300П во многом отличаются друг от друга. После слияния руководители "Антея" и "Алмаза" продолжали конфликтовать, пытаясь взять в свои руки основной контроль над концерном.

¹⁰ Цит. по: *Ходаренок*. Оборонке требуется инвентаризация.

В тот же день, что и Климов, тремя выстрелами в голову был убит и коммерческий директор компании РАТЕП Сергей Щитко. В момент убийства Щитко сидел в автомобиле рядом с кафе в пригороде Москвы, где расположена компания. РАТЕП — одна из десятков небольших компаний, образующих холдинг "Алмаз-Антей", и в последние месяцы там тоже непрерывно происходили конфликты.

Улаживание деловых споров с помощью заказного убийства — не новость для России. Убийство Климова, однако, выделялось тем, что он имел тесные связи с высокими чинами. Прежде чем прийти в "Алмаз-Антей", Климов работал помощником генерал-полковника Виктора Иванова, бывшего сотрудника разведки, заместителя главы президентской администрации и личного друга Путина еще по совместной работе в Санкт-Петербурге, которого президент назначил председателем совета директоров "Алмаз-Антея".

Чувствуя за собой поддержку Кремля, Климов спешно начал проверку финансов дочерних компаний "Алмаз-Антея". Генеральная прокуратура возбудила ряд уголовных расследований, в том числе по одному в РАТЕП и в "Анрее". Расследование в "Анрее" было связано с тем, что из вырученных от продажи Греции систем противовоздушной обороны "Тор-М1" около 45 млн. долл. США были переведены в Черногорию, а еще 16 млн. попросту исчезли.

Маловероятно, чтобы убийство Климова было связано с проблемой объединения "Алмаза" и "Антея" или с борьбой за кресло генерального директора. Подобные вопросы решаются на гораздо более высоком уровне. Средства массовой информации, исключив возможность того, что Климов стал жертвой случайного преступления, предложили три версии, объясняющие мотивы убийства. Во-первых, увольнение Климовым нескольких директоров в системе "Алмаз-Антея" могло побудить остальных начать действовать, прежде чем они сами окажутся за воротами. Во-вторых, его убийство могло быть предостережением для Кремля или, возможно, непосредственно для Иванова: прекратите захват административными методами оборонных предприятий или будете иметь дело с гневом их владельцев. В-третьих, — и эта версия представляется наиболее правдоподобной — убийство было совершено преступниками, имеющими значительный интерес в оборонной промышленности. В течение многих лет преступные группировки выкачивали средства из многих научно-исследовательских институтов и оборонных предприятий. Видя

безразличие российского руководства (которое находилось под влиянием "олигархов" из экспортно-ориентированных отраслей — нефтяной, газовой, металлургической) к проблемам оборонной отрасли, многие директора государственных оборонных предприятий стали искать другие источники средств для выживания. Это зачастую означало не только установление тесных связей с некоторыми наиболее известными российскими криминальными группировками, но и заключение порой опасных "теневых соглашений".

По данным опросов, проводившихся Лигой содействия оборонным предприятиям, директора этих предприятий считают, что 32 процента российских оборонных заводов находятся под контролем преступных группировок, и влияние последних только растет. Проведенный в 2000 году после избрания Путина президентом опрос показал, что, по мнению 17 процентов респондентов, влияние криминала будет ослабевать; 11 процентов полагали, что оно будет расти. В 2002 году соотношение изменилось на противоположное: по данным еще одного опроса, лишь 9 процентов директоров оборонных предприятий надеялись на ослабление влияния криминала в отрасли, 24 процента были уверены, что оно возрастет, а 67 процентов полагали, что оно сохранится на прежнем уровне. Двадцать три процента директоров утверждали, что если бы их предприятия освободились от влияния криминальных группировок, объемы их производства возросли бы более чем на 40 процентов¹¹.

С учетом всего вышесказанного представляется вполне правдоподобным, что убийство Климова связано с организованной преступностью. Климов не только увольнял директоров "Алмаз-Антея", но и добивался, чтобы теневые владельцы оборонных предприятий вернули украденное. Одна российская журналистка, специализирующаяся на экономической тематике, заметила по этому поводу: "Это все равно, что в разграбленном городе требовать от мародеров добычу обратно"¹². Кроме того, многие эксперты в области оборонной промышленности были убеждены, что убийство Климова и Щитко задержит, воз-

¹¹ *Витебский и др.* Оборонные предприятия России: 1999–2001 гг., с. 114.

¹² *Yuliya Latynina.* Expect Swift Retribution for Klimov's Death (Юлия Латынина. Ждите скорого возмездия за смерть Климова). — *Moscow Times*, June 11, 2003.

можно, на годы завершение слияния "Алмаза" и "Антея" и затормозит реализацию правительственной программы конверсии. К этому следует добавить негативное отношение директорского корпуса ОПК к правительственной стратегии насаждения холдингов сверху. Во время недавнего опроса лишь 15 процентов директоров ответили положительно на вопрос о том, благоприятно ли правительственная программа скажется на состоянии ОПК. Семьдесят четыре процента заявили, что программа может доказать положительное воздействие лишь при условии, что она будет проводиться по инициативе самих предприятий (то есть снизу), а роль государства сведется к утверждению таких слияний¹³.

По-видимому, наибольшее сопротивление правительственной программе создания холдингов оказывают региональные власти, которые с годами получили значительный контроль над оборонными предприятиями, расположенными на их территории. Если учесть огромные финансовые потери, которые регион понесет, если государство вернет себе контроль над этими предприятиями, неудивительно, что некоторые региональные руководители встретили план правительства в штыки. Так, по меньшей мере в нескольких случаях они разработали собственные планы по преобразованию местных оборонных предприятий в новые холдинги. В Свердловской области, например, местные власти хотят создать холдинг по производству танков и артиллерии во главе с "Уралтрансмашем" (ведущим производителем самоходных артиллерийских установок в России). Однако федеральное правительство намеревается включить "Уралтрансмаш" в собственный холдинг по производству артиллерийских систем и ракетных комплексов, в котором головной компанией должно было стать предприятие "Баррикады", расположенное в Волгоградской области. По мере развертывания кремлевской программы конверсии столкновения между федеральными и региональными интересами будут, скорее всего, множиться и обостряться. Это не предвещает ничего хорошего для правительственной программы, реализация которой в конечном счете может вылиться в создание небольшого числа оборонно-промышленных "феодалных княжеств" под управлением либо высших правительственных чиновников, либо так называемых санкт-петербургских чекистов (этот термин широко используется в отношении бывших коллег Путина по его работе в КГБ в Санкт-Петербурге).

---

¹³ *Витебский и др.* Оборонные предприятия России: 1999–2001 гг., с. 102.

Представители ОПК нередко рисуют положение дел в оборонном секторе в мрачных красках. Так, президент Лиги содействия оборонным предприятиям Анатолий Долголаптев отмечает: "Начиная с 1992 года государство ни разу не оплатило полностью и в срок поставленное в армию вооружение. В то же время исправно требовало с предприятий уплаты налогов, накручивая штрафы и пени и угрожая банкротством. Парадокс: наполовину разоренные своим государством предприятия фактически его кредитовали!"¹⁴

Эта ситуация вызывает два вопроса. Во-первых, почему оборонно-промышленный комплекс не оказывает более решительного сопротивления экономическим и политическим реформам, проводимым Кремлем? Во-вторых, как ОПК удастся выжить при неплатежах со стороны государства и нехватке государственных заказов? В любой другой стране это привело бы к глубокому кризису оборонной промышленности, следствием которого стало бы закрытие предприятий, массовые увольнения рабочих и стремление диверсифицировать производство. Не так обстоят дела в России, где все 1,7 тыс. предприятий, входивших в ОПК с 1992 года, продолжают существовать.

Одно объяснение лежит на поверхности: это — экспорт вооружений, подход, который приветствовал президент Ельцин: при посещении танко- или самолетостроительных заводов он призывал увеличивать объемы экспорта производимых ими вооружений. Кроме того, он пообещал оставлять в их распоряжении 80 процентов выручки от каждого проданного за границу танка, самолета или другой единицы вооружений. Ельцин также заявлял российским ракетостроителям, что он не поддастся давлению со стороны США по поводу поставок российских ракет в Индию. Перспективы российских кораблестроителей также стали более радужными после того, как официальные представители правительства отвергли возражения Запада против поставок Ирану новых российских подводных лодок. Михаил Малей, один из помощников Ельцина, публично заявил, что российский экспорт вооружений будет прибыльным даже в случае, если цены на эти вооружения будут в шесть раз ниже, чем на аналогичную продукцию конкурентов России. Так, Малей заверил всех, кто готов был прислушаться, в том, что даже

¹⁴ Цит. по: *Сергей Григорьев*. Во главе оборонного сообщества. — *Независимое военное обозрение*, 17 мая 2002 г.

в таких условиях Россия сможет получать от экспорта вооружений 10–12 млрд. долл. США в год¹⁵. Хотя объемы российского экспорта вооружений и не достигли того высокого уровня, который обещал Малей, их рост, тем не менее, оказался впечатляющим — с 1,1 млрд. долл. США в 1992 году до 4,8 млрд. долл. США в 2002 году. В результате экспорт стал основным источником доходов оборонной промышленности.

Однако есть и другая, гораздо более серьезная, хотя и менее известная причина того, почему руководители оборонных предприятий не оказывают противодействия реформаторской деятельности правительства. С самого начала советская оборонная промышленность создавалась таким образом, чтобы быть в состоянии автономно функционировать в течение длительного периода времени (месяцев и даже лет). Каждое оборонное предприятие располагало ресурсами для поддержания производства в случае войны, когда обычные пути подвоза оказываются заблокированы, а потребность в вооружениях стремительно возрастает.

Как правило, российские мобилизационные запасы считались неприкосновенными в мирное время. Эти запасы не следует путать со стратегическими запасами России, которые представляют собой примерный эквивалент национальных оборонных резервов США и стратегического нефтяного запаса США. Российские стратегические запасы, унаследованные от Советского Союза, включают в себя не только сырье и нефтепродукты (но не нефть как таковую). К их числу относятся также продукты питания, рельсы, стальной прокат и т. п. Как и американские, российские стратегические запасы рассчитаны на то, чтобы поддержать экономику и население в чрезвычайных обстоятельствах. Правительство страны располагает точной информацией о размерах и стоимости этих запасов и осуществляет непосредственное управление ими через специальное государственное ведомство.

Мобилизационные запасы отличаются от стратегических в двух отношениях. Во-первых, они децентрализованы и, как правило, размещаются непосредственно на территории предприятий. Во-вторых, они измеряются в физических единицах (штуках, тоннах, метрах), поскольку в случае войны их будут использовать для производства определенного количества вооружений в определенный период времени, независимо от затрат. В советскую эпоху денежная стоимость мобилизационных

---

¹⁵ *Московские новости*, 21–27 февраля 1993 г., с. 13А.

запасов никогда не рассчитывалась, к тому же в любом случае это было бы невозможно ввиду искаженной ценовой структуры, поддерживаемой правительством.

В 1990–1991 годах размер мобилизационных запасов Советского Союза был пересчитан, исходя из необходимости обеспечить автономное производство оборонной продукции на заранее заданном мобилизационном уровне в течение от четырех до шести месяцев (четыре месяца в азиатской части Советского Союза и шесть – в его европейской части). При этом считалось, что полная мобилизация остальной экономики займет от четырех месяцев до полугода¹⁶. Вопрос состоит в том, какова денежная стоимость этих запасов в рублях, а еще лучше, в долларах? Ответ зависит от того, какое количество вооружений планируется выпускать в случае войны, что, в свою очередь, определяет количество необходимых исходных материалов (то есть сырья, оборудования и многих других составляющих).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании предоставленной Генеральным штабом информации советское руководство полагало, что через шесть месяцев после начала мировой войны Соединенные Штаты смогут обеспечить производство основных боевых танков в количестве 50 тыс. штук в год, а их европейские союзники будут выпускать еще 25 тыс. В отличие от этого, в Советском Союзе производство основных боевых танков не будет превышать 35–40 тыс. в год. Поэтому советское военное руководство считало, что для того, чтобы противостоять большей готовности промышленности западных стран и их большему мобилизационному потенциалу, необходимо обеспечить превосходство по количеству танков в начале войны.

Благодаря огромным запасам, накопленным в советскую эпоху, российская оборонная промышленность смогла в течение более чем 10 лет выживать за счет увеличения объемов экспорта, немногочисленных государственных заказов и частичной диверсификации производства. Она в основном сохранила с

¹⁶ Неопубликованное заявление председателя Госкомитета СССР по материальным резервам Владимира Ладыгина на заседании Комитета обороны Верховного Совета СССР, 19 апреля 1991 г.

советских времен опыт и навыки в области военных технологий, особенно в ядерной, космической и ракетной промышленности. Однако новая эра высокотехнологичных методов и способов ведения войны поставит российскую оборонную отрасль перед серьезными проблемами. Сможет ли она решить эти проблемы, будет зависеть от характера и качественного уровня руководства страной и от проводимой экономической политики.

Основой для советской и российской структурно милитаризованной экономики всегда служил сырьевой комплекс. Проведенная в 1992 году либерализация цен показала, что этот комплекс был единственной жизнеспособной отраслью российской экономики. И почти с самого начала другие сектора экономики — и в том числе оборонная промышленность — оказались в глубокой задолженности перед ним. Попав в сложное финансовое положение в значительной степени из-за сокращения государственных заказов, ОПК перестал быть той политической и экономической силой, какой он являлся когда-то.

Сырьевой сектор фактически превратился в государство в государстве. Будучи наиболее весомым игроком на политическом поле, он оказывает влияние на политику властей всех уровней — от Кремля и ниже. В действительности сырьевой комплекс создал параллельную экономику, в которой не нашлось места для ОПК. Поэтому нелепы надежды российского руководства на то, что обнищавшая оборонная промышленность сможет за счет экспорта вооружений не только выжить, но и профинансировать перевооружение российской армии оружием нового поколения.

По мнению большинства экспертов, бум российского военного экспорта может сойти на нет уже в 2005 году, когда завершится выполнение текущих контрактов на поставку самолетов в Китай и Индию и обе страны начнут выпускать (по лицензии) собственные истребители марки "Су". Более того, перспективы заключения дальнейших крупных контрактов с Китаем и Индией представляются весьма туманными, поскольку эти страны стремятся в максимальной степени обеспечить самостоятельность своих оборонных отраслей. Наконец, расширение сотрудничества с Западом (в первую очередь с европейскими странами) в области разработки и производства нового поколения вооружений, несмотря на растущую популярность этой идеи среди российских политиков и промышленников, потребует слишком больших институциональных изменений (например, снятия существенных ограничений на иностранные инвестиции в оборонную промыш-

ленность, более четкого определения прав интеллектуальной собственности в сфере НИОКР и т. п.) для того, чтобы такое сотрудничество положительным образом сказалось на ОПК.

Потребности самой России в вооружениях в ближайшие 10–15 лет, скорее всего, останутся на прежнем уровне или даже сократятся. Учитывая состояние российской экономики и проводимую нынешним руководством страны экономическую политику, которая не встречает серьезной оппозиции, военные бюджеты будущих лет останутся, по всей вероятности, на уровне 2–3 процентов от валового внутреннего продукта страны. А это не позволяет существенным образом увеличить объемы государственного оборонного заказа.

Возможности увеличения гособоронзаказа за счет сокращения численности вооруженных сил также невелики. Численность военнослужащих в России составляет 1,262 млн. человек; планами Генерального штаба предусматривается, что она сохранится примерно на том же уровне и в ближайшие годы. Генеральный штаб планирует также, с согласия президента Путина, увеличить к 2007 году численность относительно лучше оплачиваемых (в сравнении с призывниками) добровольцев-контрактников со 130 тыс. до примерно 307 тыс. человек. Это неизбежно повлечет за собой увеличение в военном бюджете доли расходов на личный состав за счет закупок вооружений. Любое существенное увеличение расходов на оборону приведет к нежелательной в политическом плане дополнительной нагрузке на государственные финансы, и без того ослабленные долгосрочной программой сокращения налогов. Более того, по мнению советника президента по экономическим вопросам Андрея Илларионова, чтобы решить поставленную президентом Путиным задачу по удвоению российского ВВП в течение 10 лет, расходы государственного сектора должны быть сокращены с 37 процентов до примерно 20 процентов. В идеале же эти расходы следует продолжать снижать до тех пор, пока они не достигнут уровня государственных расходов Китая в 1995 году (14,3 процента). Как отметил Илларионов, в 1995 году оборонные расходы Китая составили 1,09 процента от ВВП, что в три раза ниже, чем в России¹⁷.

¹⁷ Максим Блант. Спор либералов. — *Еженедельный журнал*, 30 июня — 6 июля 2003 г. и он же. Удвоение ВВП — скромная задача. — *Время новостей*, 4 июля 2003 г.

Согласно этому сценарию, Россия утратит способность как переоснащать свои обычные вооруженные силы современными вооружениями отечественного производства, так и перебрасывать значительные военные силы за пределы своих границ. С учетом всего этого Москва предпочтет сосредоточить свои ограниченные финансовые ресурсы на поддержании боеготовности стратегических и тактических ядерных сил, а также на поддержке НИОКР и производственных мощностей в этой сфере. Так, в своем ежегодном послании к Федеральному Собранию 17 мая 2003 года президент Путин объявил, что оборонная промышленность разрабатывает ядерное оружие нового поколения, хотя и не привел никаких подробностей. Но в любом случае такое оружие будет стоить недешево. План Путина не представляет собой смертельной угрозы для долгосрочных интересов России. В чрезвычайной ситуации Россия всегда сможет запросить обычные вооружения у Запада, как это было в годы Второй мировой войны, когда она получала оружие по Закону США о ленд-лизе от 1941 года.

При его нынешней структуре и с нынешними формами управления так называемый российский оборонно-промышленный комплекс превратился в тяжкую обузу для экономики страны. Это не означает, что России следует прекратить выпуск военной продукции. Скорее надо ликвидировать систему узкоспециализированных отраслей этой изолированной "оборонной экономики". Говоря о будущем одной из таких отраслей, а именно российской авиационной промышленности, Сергей Недорослев однажды заметил: "Давайте ее оплатим, похороним и забудем о ней". Этот мудрый совет следует применить в отношении всей российской оборонной промышленности советской эпохи. Оборонное производство должно стать составной частью гражданского промышленного производства. В тех случаях, когда это невозможно или когда в этом нет необходимости (производство ракетного вооружения, боеприпасов), следует передать эти предприятия Министерству обороны и управлять ими так, как Соединенные Штаты управляют своими армейскими арсеналами. К сожалению, политическое руководство России еще не готово взяться за решение этой сложной и опасной задачи. Но, только решив ее, оно сможет всерьез говорить о перспективах военного возрождения России.

глашенным профессором в Университете Врийе в Брюсселе (1993–1994). В Фонде Карнеги Тренин является сопредседателем Программы по внешней политике и политике в области безопасности. Автор нескольких книг, в том числе *Russia's Restless Frontier* (*Беспокойные границы России*, в соавторстве, готовится к изданию); *The End of Eurasia: Russia on the Border between Geopolitics and Globalization* (*Конец Евразии: Россия на рубеже геополитики и глобализации*, два издания, 2000 и 2001); *A Strategy for Stable Peace: Forward a Euroatlantic Security Community* (*Стратегия устойчивого мира: к евроатлантическому сообществу безопасности*, в соавторстве, 2002); *Russia's China Problem* (*Китайская проблема России*, 1998) и *Baltic Chance: The Baltic States, Russia, and the West in the Emerging Greater Europe* (*Балтийский шанс: государства Балтии, Россия и Запад в возникающей Большой Европе*, 1997). Среди книг под редакцией Тренина – *Ambivalent Neighbors: The NATO and EU Enlargement and the Price of Membership* (*Противоречивые соседи: расширение НАТО и ЕС и цена членства*, 2003); *Russia and the Main Security Institutions in Europe: Entering the 21st Century* (*Россия и основные европейские институты безопасности: вступая в XXI век*, 2000); *Kosovo: International Aspects* (*Косово: международные аспекты*, 1999) и *Commonwealth and Security in Eurasia* (*Согружество и безопасность в Евразии*, 1998). Тренин – член Международного института стратегических исследований в Лондоне и Российской ассоциации международных исследований. Часто выступает комментатором в мировых средствах массовой информации, входит в состав редколлегии таких изданий, как *International Politics*, *Pro et Contra* и *Baltic Course*.

Виталий Шлыков – советник генерального директора ОАО "Объединенные машиностроительные заводы", крупнейшей российской машиностроительной компании и производителя вооружения. Выпускник Института международных отношений и Военно-дипломатической академии в Москве, получил докторскую степень в Институте мировой экономики и международных отношений. С 1958 по 1988 год служил в военной разведке советского Генерального штаба. Позднее работал заместителем председателя Государственного комитета обороны Российской Федерации в ранге заместителя министра российского правительства, где с 1990 по 1992 год отвечал за оборонную промышленность и ее бюджет. Шлыков – один из основателей Совета по внешней и оборонной политике России, неправительственной научно-исследовательской организации.